

УДК 151.81+81

Маловичко А. В., Козырский В. Г., Учанишвили В. В.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТРУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Приведен пример возможного перевода фрагмента этрусского текста с Капуанской черепицы. Перевод получен авторским «неиндоевропейским» подходом благодаря лексическим параллелям с кавказскими языками. Дано модельное обоснование отмеченных параллелей.

Ключевые слова: (восточно)кавказские языки, индоевропеистика, хуррито-урарты, этрусология.

Начинать, к сожалению, приходится с констатации того прискорбного факта, что современное состояние исследований этрусского языка не придает оптимизма в отношении перспектив решения проблемы его происхождения, а значит, и проблемы происхождения этрусского этноса.

Этрусология как наука существует уже свыше трехсот лет. В Тоскане и на других землях, где жили этруски в первом тысячелетии до н. э., продолжают раскопки этрусских памятников. Найдено свыше 15 тысяч захоронений с надгробными надписями. Однако до сих пор не решена главная проблема этрусологии — происхождение этрусского языка, из-за чего более или менее длинные надписи на этрусском языке не удается прочесть (часто даже непонятен общий смысл надписи — настолько неисследован этот язык).

Из-за неудач в решении этих проблем этрусский язык некоторыми этрусологами был объявлен изолированным [1]. А другие этрусологи весьма категоричны в том, что это один из индоевропейских (далее И-Е) языков [2, 3].

Главную причину неудач в решении проблемы происхождения этрусского языка мы усматриваем в явном нежелании этрусологов обратить внимание на языки, носители которых живут (или жили) на востоке. Мы имеем в виду не древние балканские языки, которые большинством лингвистов уже объявлены индоевропейскими, а многочисленные кавказские языки, современные или мертвые, как, например, хуррито-урартские.

На кавказские языки еще 100 лет тому назад обратил внимание В. Томсен [4]. Позже Р. Гордезиани сравнил этрусскую лексику с картвельской [5]. В 1980 году лидер ближневосточного языкознания в бывшем Советском Союзе И. М. Дьяконов высказал мысль о сходстве между этрусской и хурритской грамматиками [6]. В 80-х годах В. В. Иванов, развивая идеи В. Томсена, опубликовал работу [7], в которой предложил использовать северокавказские языки для дешифровки этрусских текстов. Однако в статье 1988 года [8] он отказался от «хаттского и других северокавказских языков» и заявил, что «этрасский был результатом развития одного из хурритских диалектов». Таким образом, хурритский язык, по-видимому, способен помочь прояснить ситуацию с происхождением этрусского языка и прочесть хоть какие-то небольшие надписи, смысл которых невозможно определить с помощью основного метода исследования этрусской лексики — комбинаторного. Мы не знаем, воспользовался ли кто-то гипотезами вышеупомянутых ученых. Мы также не знаем, брался ли сам В. В. Иванов за интерпретацию этрусских надписей.

После прочтения надписи, найденной на острове Лемнос, стало очевидно, что этрусский язык имеет отношение к Малой Азии. На этом полуострове, по мнению большинства историков-лингвистов, «господствовал» индоевропейский хеттский язык. Но хеттский язык, наверное, не раньше конца III тыс. «наложился» на местный хаттский язык, природа которого совершенно отлична от хеттского (по мнению Ю.Л. Мосенкиса [3], хаттский язык, скорее индоевропейский язык, чем западнокавказский). Если не сочинять мифы о том, что в Малой Азии произошло обратное наложение языков, т. е. хаттский наложился на хеттский, а носители последнего основали в VIII тысячелетии поселения Чатал-Хююк и Хаджилар, то стоило бы начать поиски базисной лексики этрусского языка не только в хаттском языке, но и в лексике восточнокавказских (нахско-дагестанских и хуррито-урартских) и южнокавказских (картвельских) языков.

Но как же сравнивать этрусскую лексику, если количество достоверно определенных этрусских слов едва превышает 150?

Следует напомнить, каковы современные критерии родства двух языков, и, исходя из этих критериев, ответить на вопрос, какие языки можно считать генетически родственными (эта научная дисциплина называется лингвистической компаративистикой [10]).

Еще в XIX веке пытались решить проблему происхождения этрусского языка, сравнивая его лексику с лексикой десятков языков мира. Однако результаты таких поисков оказались ничтожны, вследствие чего европейские ученые вслед за итальянскими этрускологами перестали интересоваться языками, носители которых пребывают за пределами Италии (или в настоящее время являются мертвыми), видимо, считая, что этрусский язык — это «совершенно изолированный язык», который появился исключительно как результат «быстрого» итальянского лингвистического развития.

Однако, если считать главной задачей этрусского языкознания (но не этрусской археологии!) расшифровку, вернее, интерпретацию этрусских текстов, а также осознание роли этрусков в становлении европейской цивилизации, а не только производство раскопок, точка зрения на этрусский язык как на «несомненно» индоевропейский, который «быстро возник» на Апеннинском полуострове, может еще больше затянуть решение этой проблемы. «Быстрое, в течении нескольких веков, возникновение языка» — это метод, который предлагают некоторые археологи для решения лингвистических проблем. Как это делается, можно увидеть на примере статьи [9].

По-видимому, современное состояние проблемы происхождения этрусского языка можно объяснить еще и тем обстоятельством, что все, кто занимался этой проблемой, за редким исключением, были лингвистами-индоевропеистами, не допускавшими неиндоевропейской точки зрения. И поэтому работы исследователей, считавших, что этруски пришли с Востока, чаще всего игнорируют и в наше время.

Как мы упоминали, никто не реализовал идею В. В. Иванова, он сам тоже. Такую попытку предпринял один из авторов [11, 12]. Были начаты поиски этрусских надписей со словами, формы которых напоминали бы хурритские. Разумеется, нельзя забывать и об этрусском словаре, количество слов которого с достоверными значениями достигает 150. Подходящий отрывок был найден на черепице из Капуи (TLE — 2, 19, 20) [13].

Но прежде, чем интерпретировать найденный нами для интерпретации отрывок этрусского текста, предлагаем результаты сравнения базисной лексики этрусского языка с соответствующей лексикой восточнокавказских языков, среди которых нахско-дагестанские и мертвые хуррито-урартские языки [6, 14].

Какую же этрусскую базисную лексику мы можем использовать для лексикостатистических исследований, если мы знаем только 150 достоверно определенных этрусских слов? Используемая лексика входит в состав 100-словного списка М. Сводеша. Но лучше вначале использовать 35-словный список «наиболее устойчивых слов», который предложил С. Е. Яхонтов (это часть 100-словного списка М. Сводеша) [15]. Не приводя тут этого списка, приведем известные этрусские слова из этого списка. Это слова из словаря книги Джулиано и Ларисы Бонфанте «Этрусский язык, введение» [16], на английском языке: *al* — ‘давать’, ‘подносить’, ‘жертвовать’; *tul* — ‘камень’; *mi, me, mini* — ‘я’, ‘мне’; *lein* — ‘умирать’; *thu* — один.

Для этимологизации этих слов рассмотрим восточнокавказские параллели.

- 1) Этр. *al* — ‘давать’, нах. *al-a* — ‘давать’, Хуррито — Урартский (ХУ) *ar* — ‘давать’.
- 2) Этр. *tul* — ‘камень’, такой перевод дает только [16]. По-видимому, отсюда этр. слово *tular* — ‘граница’, по названию межевых камней. У этого слова есть параллели в ВК языках: чеченском (чеч.) ‘камень’ — *t'o, t'ulg*. Ностратическая (Nostr) праформа для слова ‘камень’ — **kiwi* — близка к картвельской (Kart) **kwa*, семито-хамитской (H-S) **kw* и уральской (Ur) **kiwe* [17]. Однако общеалтайская (Alt) реконструкция С. А. Старостина [15] для слова ‘камень’, **tiola*, близка к Kart слову *t'ali* — ‘кремень’.

Возможно, сколь бы ни походило это на фантастику, английское слово *tool* — ‘рабочий инструмент’ и ‘отесывать (камень)’ — отражает то архаическое время, когда камень был рабочим инструментом. По-грузински ‘тесать’ — *tla*.

- 3) Этр. местоимения *mi, me, mini* — ‘я’, ‘меня’ — часто считают индоевропейскими по происхождению. Однако подобные местоимения есть во всех ностратических языках (Alt., Kart. и Ur.). В то же время в ВК языках аналогичное местоимение имеет вид: в нах. — *so, suo*, в Х.

— iste, а в У. — jese.

- 4) Этр. *lein* — ‘умирать’. В. В. Иванов пишет в [7] о чеч. параллелях: *v-ella* — ‘он умер’, *d-ella* — ‘мертвый’, *v-ellarg* — ‘мертвец’. Но он не заметил чеч. слово *len* — ‘смертельный’, ‘смертный’. Интересны скандинавские параллели этого слова — ‘пиршественный зал убитых героев’ назывался *Valhalla* — Валгалла, где галла, по-видимому, близко к нах. слову *ɣala*, означающему нахский ‘жилой дом-крепость’.
- 5) Этр. *thu*. По мнению некоторых этрускологов, это слово означает ‘один’, см. [18]. Это числительное не имеет явных параллелей в кавказских языках. Однако в нахских языках есть слова, начинающиеся элементом *du* (*dux*), который, по нашему мнению, близок к значению ‘один’, ‘единица’, ‘первый’ — если руководствоваться значениями слов, в состав которых он входит: чеч. *duxharnig* — ‘первенец’, *duxharlera* — ‘первичный’, ‘первобытный’, инг. *dux-la* — ‘однозначный’ и т. п. Так же, как и чеч. *duxarg* (дутьхарг) — ‘телка-однолетка’, образуются термины ‘телка-двухлетка’ — *šin-ara* от нахского *ši* ‘два’ и ‘телка-трехлетка’ — *qaarg* (кхаарг) от *qo* (кхоь) ‘три’. Очевидно, в этих терминах первый слог должен означать соответствующее числительное. Древность этих терминов иллюстрируется хурритскими терминами [19]: ‘двухлетний’ — *šin-ar-bu*, ‘трехлетний’ — *kig-ar-bu*. К сожалению, мы не знаем термина, обозначавшего ‘однолетний’.

Есть еще одно этрусское указательное местоимение из 35-словного списка, близкое к картвельскому: *esa*, *isa*, *sa* — ‘этот’, по-грузински — *eg*, *ega*, *es*.

Итак, по крайней мере пять слов из 35-словного списка имеют общие корни. А это составляет 14,3 %, что превышает порог случайных совпадений. Правда, сама по себе эта цифра ни о чем не говорит, потому что процент совпадений должен превышать 10% в пределах 100-словного списка М. Сводеша [15]. Т. е., должно быть 10 совпадающих по форме слов, чтобы уверенно утверждать о принадлежности этрусского языка к кавказской языковой семье сино-кавказской языковой макросемьи.

Далее предлагаем отрывок этрусского текста из TLE-2 (18, 19, 20) [13], который мы интерпретировали: *isvei tule ilukve apirase laruns ilucu hux śanti huri alxu esxaθ sanulis mulu rizile zizriin puian acasri tinian tule leθamsul ilucu perpri śanti arvus ta aius nunθeri*.

Вначале представим нашу интерпретацию этрусской лексики из этого отрывка.

– *puian*. По-видимому, это некая грамматическая форма давно определённого комбинаторным методом этр. слова *puia* — ‘жена’. В. В. Иванов [7] предлагает сопоставить его с бацбийским словом *pst’uin* — ‘жена’. Не будем дискутировать по этому поводу. Тем более, что нам не известна лексика родственных отношений в X-У языках. Поэтому обратим внимание на двойное *i*, являющееся суффиксом притяжательного прилагательного в нахских языках [20]. Такое же удвоение *i* есть и в предыдущем слове *zizriin*, основа которого *zizzi* в хурритском означает ‘женскую грудь’, ‘сосок’ [14]. *r* — суффикс множественного числа не только в этрусском, но и в некоторых языках Кавказа. Поэтому переводим эти слова с одинаковыми суффиксами так: ‘(принадлежащих, относящихся, посвященных) соскам жены’.

– *rizile* переводим как ‘первое (или повторное) истечение’, считая основу этого слова — *zi* — близкой к У *s’i* — ‘течь’, или к X слову *ši-u-le* ‘польются’ [22]. Речь, по-видимому, идет о начале лактации, поскольку рядом стоят слова, описывающие близкие по своему значению объекты: ‘жена’, ‘соски’ и ‘течь, литься’.

– этр. *mulu* — ‘посвящать’, ‘жертвовать’. Наиболее часто встречающаяся в текстах форма этого слова *mulvanice*, *muluvanice*. У этого слова тоже есть X-У аналогии *игри* — ‘приносить в жертву, жертвовать’, У *urb* — ‘закалывать’, X *urarinnu* — ‘резник’. Удивительно, что, по нашему мнению, это слово встречается в ностратическом словаре В. М. Иллич-Свитыча [17], но немного с другим значением: И-С № 126 *ʔarba* ‘колдовать’. Оно распространено во всем тюркском (и не только в тюркском) мире, в названии наиболее почитаемого праздника — *q’urban baigam*.

– *tul* — ‘камень’. Это слово мы уже упоминали. По-видимому, *tule* означало что-то каменное, ‘алтарь’ или ‘стелу’. Это подтверждается словосочетанием *tinian tule*, которое мы переводим как ‘алтарь, посвященный Тину’ (-an суффикс прилагательного).

– *acasgi*. Основу слова *acas* разные источники переводят почти одинаково — ‘делать’, ‘предлагать’. Поэтому переводим это слово вместе с последующими «делавшееся (или, имеющее место) у алтаря Тина». По-грузински *aketeb* ‘ты делаешь’.

– *punθegi*. Если сравнить это слово с основой урартского слова *pun* — ‘приходить’, то можно предположить, что основа этого слова уже в этрусском языке приобрела несколько иное значение: ‘жертвовать’ или ‘совершать (определенный ритуал приношения)’ [22]. Весьма вероятно, что *punθegi* означал ритуальный приход к алтарю с (традиционными) подношениями. В X языке *un* — ‘приходить’.

– *ilucu* переводим как ‘обмыл’, исходя из сходства с нахским словом ‘обмыть’ — *d-ila, i-ila*. Возможно, *ilucu* отглагольное имя в родительном падеже (для X языка суффикс родительного падежа *-ve* [19]).

– *pergrī* — смысл этого этрусского слова, по нашему мнению, полностью соответствует похожему на него слову в латыни: *puerpera* — ‘роженица’. О слове *puer* В. В. Иванов [8] пишет: «...лат. *puer* — ‘мальчик’, ‘ребенок’ (старое заимствование из этрусского или родственного ему языка)». Он почему-то не сопоставляет это слово ни со встречающимся в этрусских текстах словом *pergrī*, ни со словом нахских языков *ber* — ‘ребенок, дитя’. По нашему мнению, это слово есть в надписи на стеле из Перуджи, где отрывок: «XII *velθinaθuraś aras̄ peraś*», мы переводим как ‘юноши и дети рода Велтина’. По-нахски ‘дети’ — *beras̄*, где *-as̄* — нахский суффикс множественного числа. Слово *aras̄* переводим как ‘юноши’ во множественном числе, воспользовавшись данными работы [23], по-урартски, *arše* — ‘юноши, дети’. Вообще говоря, и *ber* и *ar-* слова ностратического уровня с теми же значениями [17]: И-С № 32 *b/ɾ/* ‘ребенок’, № 108 *Herä* ‘самец’.

– *śanti*. В определении значения этого слова мы близки к идее А. И. Немировского, предложившего [24] перевод *śanti* — ‘вода’. Однако, по нашему мнению, ‘вода’ — *śan*, а — *ti* — ‘в’. Т. е. *śanti* означает ‘в воде’. Возможно *śan* — это название какой-то особенной воды, ‘священной’, ‘ритуальной’ или воды из священного источника. И, возможно, поэтому, основа *san* попала в латынь со значением ‘святой’, ‘священный’. Слово, стоящее за *śanti*, это *argvus* — должно, по-видимому, определять, в воде какого источника была обмыта роженица: в купели или в бассейне источника.

Рассмотренные слова находятся во второй части отрывка (начиная со слова *mulu*), перевод которого опубликован в [11]. В первой же части отрывка есть слова, которые могли быть замечены знатоками X-У языков. К сожалению, знатоки X-У языков не интересуются этрусским языком и, главное, этрусскими надписями, знатоки же этрусского — X-У языками.

– *hurī*. Мы считаем, что можно сопоставить это слово с X *hurθ* — ‘утро’, ‘восток’. Почеченски ‘утро’ — *Иуьре* (рус. транскр.) [14, 25]. В рассматриваемом тексте *hurī*, возможно, означало ‘утром’, т. е. отвечало на вопрос когда? Тогда *śanti hurī* можно перевести ‘в воде утром’ или ‘в утренней воде’.

– *esxath*. В X-У словаре есть подобное слово: X *aṣx* — ‘поднимать’, ‘жертвовать’ [14]. Разные значения этого X слова мы объясняем тем, что алтари, возможно, воздвигались на возвышенных местах, как, например, на Кавказе, где на холмах и на вершинах небольших гор до сих пор можно встретить невысокие сооружения из камней, на плоской верхней части которых приносят в жертву животных, или сами алтари были высокими каменными сооружениями.

– *sanulis*. Мы считаем, что это слово состоит из двух: первое *san* (значение его мы уже рассмотрели). Основу второго — *ul* — можно сопоставить с У словом *u/ol* — ‘идти’. Сопоставим это слово со словом в X фразе [21]: «*aše eṣia ṣiule*» — ‘когда с неба воды польются’ (здесь *ṣi*, по-видимому, вода) [14]. В этрусском тексте *san-ulis*, возможно, означало существительное ‘текущая, проточная, льющаяся вода’, но в родительном падеже — ‘проточной воды’.

В связи с описываемым ритуалом, связанным с омытием водой, интересно сравнить его с хеттским ритуалом избавления от грехов прошедшего года омовением ритуально чистой водой (*ṣehelliyas̄ watar*) в ‘доме для омовения’ [26]. Этот ритуал совершали царь и царица во время весеннего праздника начала нового года. Одно из священнодействий заключалось в жертвоприношении перед каменной стелой бога Грозы, которое начиналось на рассвете второго дня нового года.

Основой описанного ритуала было омовение ритуально чистой водой. Этот ритуал, по-

видимому, имел X корни, поскольку хеттский термин 'ритуально чистая вода' — šehelliyaš water — содержит X корень *seγ-/a/1ə* 'чистый (ритуально)', *sēγə, siγə* 'чистый' (о воде); У *sēxa* 'то же' [14]. Можно предположить, что в последующих частях этой большой надписи встречаются слова, корни которых содержат X.-У. корень. Это *šixaciiul* и *šixaiei*.

– *alxu*. Возможно, это глагол 'давать' в прошедшем времени. Тут вместо обычного этрусского суффикса глагола в прошедшем времени *-si* применяется *-xu*, как в некоторых других глаголах: *seγixu, zixu* и др. В нахск. яз. 'давать' — *ala*, в X-У — *ar* [14].

Для оставшихся трех слов *isvei, arigase* и *hux* иберо-кавказские параллели не найдены. Поэтому в приведенном ниже переводе рассматриваемого отрывка мы предлагаем свои толкования этих слов. Надо помнить, что *ilucve* — отглагольное существительное, которое мы переводим как 'обмывание', стоит в родительном падеже.

Предлагаем наш перевод этого отрывка, опубликованный в [12]: «Обещанный ритуал обмывания алтаря (речь о ритуале, обещанном богам, по-видимому, мужем роженицы): Ларунс (видимо, первый маг) омыл тело (верховного бога этрусов Тина в виде каменной фигуры или стелы) в утренней воде, принес жертву текущей (проточной) воде (возможно, эта вытекающая из земли вода священного источника и была ритуально чистой водой, которой посвящался весь остальной ритуал, в котором вода играла главную роль), посвященной первому истечению (из сосков жены (т. е. началу лактации), происходящему перед алтарем Тина. Летамсул (второй маг) омыл роженицу в воде бассейна (этого источника) и совершил это подношение богу».

Если подтвердится хурритская (т. е., восточнокавказская) природа этрусского языка, то, совершенно очевидно, возникнут вопросы, один из которых заключается в необходимости объяснить явление необычно глубоких познаний в различных отраслях деятельности, которыми обладали этруски. Где были приобретены эти знания, кто был предком этрусов, языковым и этническим?

Об этом можно сказать одно: по нашему мнению, предки этрусов пришли с территории Южного Кавказа, где в середине IV тыс. до н. э. возникла выдающаяся археологическая культура ранней бронзы, названная Куро-Аракской. Одним из характерных признаков этой культуры была чернолощенная керамика. По мнению одного из нас [27], эта культура возникла в результате проживания на одной территории носителей языков двух языковых семей, восточнокавказских и картвельских. Напомним, кроме того, что на этой же территории за две тысячи лет перед тем существовала археологическая раннеземледельческая культура Шулавери-Шомутепе.

Приведем этимологии других исследователей: этр. *avil* — 'год'. В. В. Иванов [9] сопоставляет его с X *saval-i* — «год» и У *sal-i* 'год'; этр. *usil* — 'солнце' он сопоставляет с общесеверокавказским **misaV* — «солнце». Он же сопоставляет определенное из перевода квазибилингвы из Пирг этр. числительное *ci* — '3', с X *kig* — '3'.

И еще несколько этимологий из [18]. Этрусские кратные числительные составлялись из порядковых прибавлением суффикса *-z(i)*: *θunz* — 'один раз', *eslz* — 'дважды', *ciz* — 'трижды' и т. п. [16]. В нахских языках кратные числительные получают с помощью подобных же суффиксов: в чеч. и инг. языках *-zza (-azza)*, в бацбийском *-с(а)*: 'дважды' — *sozza*, 'трижды' — *kxuzza*, 'четырежды' — *dobazza* и т. д. Интересно, что подобное явление наблюдается и в китайском языке: «дважды» — *liang ci*, «трижды» — *sanci*, «четырежды» — *chengsi* и т. д. Этр. слово *zilac, zilax, zilath* означало наивысшую должность в каждом этрусском городе. В нахских языках слово *сийлах (sijlax)* означает «выдающийся», «почетный», «великий», «священный» и т. п. [25] Надо помнить, что *зилак* был и главной религиозной особой в городе.

В заключение процитируем «Географическое руководство» Клавдия Птолемея: «Сарматии занимают многочисленные племена. ... Между Керавскими горами и рекой Ра-Оринией — валы и сербы, а между горой Кавказом и Керавскими горами — туски и дидуры, вдоль Каспийского моря — уды, олонды, исанды, герры, а вдоль Понта — ахэи, керкеты, иниохи, сваноколхи».

Мы полагаем, что под названием туски «скрывалось» племя, от которого еще в III тыс. отделилась какая-то часть, которая более чем через тысячу лет очутилась на Апеннинах. При этом можно думать, что на Апеннины переселились разные кавказские племена, говорившие на близких диалектах. Возможно, и надписи, найденные в Этрурии, написаны разными, но близ-

кими языками. Кавказское племя тусков, видимо, было одним из нахско-дагестанских племен, которое теперь под именем цова-тушин живет в восточной Грузии, в Кахетии. Их язык называется бацбийским. Живя издавна в Грузии, цова-тушины двуязычны. На запад переселились и картвельские племена, лексика которых засвидетельствована нами в статьях [12, 18, 27].

Наконец, мнение лидера итальянской этрускологии Массимо Паллоттино, изложенное в [29]: «Несколько хронологически различных субстратных слоев прослеживается на Апеннинах. Наиболее древний слой имеет, вероятно, иберийско-кавказское происхождение (следы его обнаруживаются на западе полуострова и особенно на о. Сардиния). К более позднему времени М. Паллоттино относит эгейско-азианический субстрат, обнаруживаемый также по всей Эгиде».

Л и т е р а т у р а :

1. *Bonfante L.* Etruscan. London, British Museum Publication. 1990, p. 13.
2. *Харсекин А. И.* Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. — Ставрополь. 1963.
3. *Мосенкис Ю. Л.* Язык Трипольской культуры. Киев, 2001 (укр. яз).
4. *Thomsen V.* Remarques sur la parente de la langue etrusque // Bull. de l'Academie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark. № 4, 1899. Kopenhagen.
5. *Гордэзиани Р. В.* Этрусский и картвельский. — Тб., 1980. (груз. яз.).
6. *Дьяконов И. М.* Хурритский язык и другие субстратные языки Малой Азии. // Древние языки Малой Азии. — М., 1980.
7. *Иванов В. В.* К истолкованию этрусских текстов на основе сравнительного языкознания. // Текст: семантика и структура. М., 1983.
8. *Иванов В. В.* Древневосточные связи этрусского языка. // Древний Восток: этно-культурные связи. — М., 1988.
9. *Ренфрю К.* Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии. // Вестник Древней Истории (ВДИ), № 2, 2002.
10. *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.
11. *Маловичко А. В.* Опыт интерпретации памятников этрусской письменности. Сучасне українське кавказознавство. Київ, ІУКС, 1999.
12. *Маловичко А. В.* Этрусский язык — один из восточнокавказских? // Мови та Культури Заходу й Кавказу. Київ, 2000.
13. *Pallottino M.* Testimonia Linguae Etrusca (TLE). Firenze, 1954.
14. *Дьяконов И. М., Старостин С. А.* Хуррито-Урартские и восточнокавказские языки. // Древний Восток; этнокультурные связи. — М., 1988.
15. *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.
16. *Bonfante G. and Bonfante L.* The Etruscan language; an Introduction. New-York, London, 1983.
17. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (ОСНЯ). Т. I. — М., 1971.
18. *Маловичко О.* Кавказські етимології етрусської лексики. // Мова та Історія. Вип. 26. Київ, 1997.
19. *Дьяконов И. М.* Хурритский и урартский языки // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979.
20. *Дешериев Ю. Д.* Нахские языки // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979.
21. *Хачикян М. Л.* Диалекты хурритского языка. М., 1978.
22. *Нозадзе Н. А.* Вопросы структуры хурритского глагола. Тб., 1978.
23. *Меликишвили Г. А.* Урартский язык. М., 1965.
24. *Немировский А. И.* Этрусски: от мифа к истории. М., 1983
25. *Карасаев А. Т., Мацев А. Г.* Русско-чеченский словарь. М., 1978. *Аракелян А. Б.* «Дом для омовения» по данным хеттских источников // Древний Восток. Вып. V. Ереван, 1988.
26. *Маловичко А.* Где была прародина этрусков? Литературная Грузия. № 1-6. Тб., 2001.
27. *Маловичко А. В.* Материалы к словарю древнейшей лексики картвельских языков. Тбилиси — 2006
28. История Европы. Т. 1, Древняя Европа. М., Наука, 1988, стр. 80.

Статья поступила в редакцию 23.07.2007 г.

Об авторах:

МАЛОВИЧКО Александр Викторович — кандидат физико-математических наук, академик УАННП, зав. лабораторией технического лица при КПИ, председатель семинара «Язык и история».

КОЗЫРСКИЙ Владимир Глебович — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИТФ НАН Украины.

Учанеишвили Виктория Владимировна — студентка филологического факультета Римского университета, Италия. Область научных интересов — этрусский язык.